

пола. Таким образом, русский приближенный аналог становится максимально культурно адаптированным. Еще одним примером является передача русской реалии *квас* на английский как *rye beer* в английском переводе романа М. Шолохова «Тихий Дон». С целью сделать реалию понятной англоязычному респонденту переводчик выбирает английский аналог вместо словарной дефиниции *mildly alcoholic drink made from yeast or bread*, которая приводится в «The Oxford Dictionary of Foreign Words and Phrases».

Примером сохранения словарной реалии при переводе с русского на английский являются реалии *кафтан* и *сюртук*, которые переданы в переводе романа М. Шолохова «Тихий Дон» как *long tunic* и *frock coat*. В данном случае использование словарных эквивалентов адаптирует русские реалии к восприятию иноязычным респондентом, но обезличивает их, лишая национально-культурного компонента.

Словарные эквиваленты могут быть представлены транслитерацией, как, например, русская реалия *кибитка*, передаваемая в словаре как *kibitka*. Несомненно, что такая передача русской реалии затруднит понимание, а контекст романа М. Шолохова не поможет вызвать правильные ассоциации, например *He was watching kibitkas slowly and gracefully moving in the distance, their dark colors contrasting with the sky*.

А. П. Клименко

ПУТИ ПОИСКА ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

В практике использования языка его носители нередко встречаются с неизвестными им словами. Это особенно часто происходит при частичном владении языком в процессе обучения языку или при неполном двуязычии. Для того, чтобы понять неизвестные им слова, носители языка прибегают к внешним по отношению к себе средствам, то есть, переспрашивают, заглядывают в словарь и т.п. Но обычно к этому носитель языка прибегает после попытки использовать «внутренние» средства, если эта попытка не дает желательного результата или полученный результат вызывает сомнения. Вопрос о внутренних резервах понимания незнакомого слова и особенностях использования их может быть разрешен, в частности, экспериментально.

В последние годы усилилось внимание к методам изучения семантики, позволяющим объективно раскрыть значения лингвистических единиц. Среди этих методов определенное место занимает психолингвистический анализ семантики, основанный на обращении к информантам – носителям языка за прямой или косвенной информацией относительно значений слов.

Существенной чертой современного психолингвистического анализа значений является стремление к большей объективности исследований, осуществляющихся в двух направлениях. Один путь – совершенствование психолингвистических наблюдений над семантикой, другой – совершенствование экспериментальных методик изучения интуиции.

В данных исследованиях была показана роль слова как важнейшей семантической единицы в речевой деятельности (А. А. Леонтьев). Для психолингвистических исследований, как и для лингвистических вообще, слово оказывается чрезвычайно существенным элементом функционирования языковой системы, а потому анализ семантики слова относится к числу важнейших направлений психолингвистических исследований.

В ходе данных исследований находит подтверждение обязательность содержательной стороны, значения слов, настоятельное стремление носителей языка к выяснению, поиску значения некоторого звукового комплекса. Одной из часто используемых психолингвистических методик является методика «угадывания» или «приписывания» значений звуковым комплексам, предъявляемым испытуемым в той или иной форме. Само применение этой методики базируется на том, что обычно не представляет труда убедить испытуемых в наличии у представляемого звукового комплекса значения (возможно, по тем или иным причинам неизвестного испытуемому). Можно предположить, что это слово другого подъязыка (территориального или профессионального диалекта) или что данное «слово» – мало распространенное собственное имя (в том числе, аббревиатура, малоизвестное название учреждения) и т.д.

Простым экспериментом в этом направлении может быть эксперимент на угадывание смысла некоторых незнакомых слов. Известны соответствующие опыты по угадыванию значения слов искусственных «лабораторных языков», взятых обычно вне контекста, а также опыты на угадывание искусственных слов, вводимых в некоторые тексты. Более близким к реальным условиям общения может быть эксперимент, в котором испытуемым, изучающим иностранный язык, предлагается перевести некоторые предложения, включающие неизвестные им слова

Если звуковой комплекс напоминает реальное слово, испытуемый, во что бы то ни стало, пытается разыскать несуществующее значение слова. Так, например, о комплексе *нок* зафиксировано показание испытуемого, что это звукоподражательное междометие для обозначения лопающейся посуды, хотя в русских словарях такого слова нет. Комплекс *лум* расшифрован как иностранная фамилия, а комплекс *рял* как аббревиатура (предлагались и ее расшифровки); комплекс *тос* был якобы знаком испытуемому, который, однако, не помнит, что это значит.

В процессе поиска значений для задаваемых звуковых комплексов производится перебор лексики. Возможно, если судить по уточняющим вопросам испытуемых, такой перебор происходит несколько иначе, если требуется учесть и косвенные формы слов. Видимо, поиск среди собственных имен также представляет собой несколько иную задачу (судя по уточняющим вопросам и пропускам в ответах, в частности, в том случае, если слова задаются в письменной форме и печатаются строчными буквами). Важным элементом поиска является словообразовательный анализ слов на предмет установления возможной их производности. Интересны в этом случае встречающиеся подчас ошибочные осмысления, моделирующие народную этимологию.

В этом плане интересно свидетельство С. Лема о невозможности для писателя быть уверенным в семантической стерильности неологизмов. Не всегда созданный писателем неологизм будет правильно понят читателем. Определенная группа поэтических неологизмов ориентирована не на то, чтобы читатель (слушатель) находил точное значение предложенного слова, но на сам процесс поиска, который будет производить читатель, причем в процессе поиска у читателя будут складываться те (пусть неясные и не до конца осознаваемые) ассоциации, которые хочет вызвать поэт.

Детский лепет отличается отсутствием значения, но когда у ребенка начинает складываться императив поиска значения, он, стремясь связать план выражения с планом содержания, производит соответствующий анализ поступающего материала, причем ребенок меньше, чем взрослый ограничен в путях поиска и оценки получаемых результатов, что и создает определенную специфику в детском понимании незнакомых слов.

Как показывают эксперименты, значение осознается носителями языка как обязательная сторона слова: слов без значения в естественном языке не должно быть, только соединение значения со звучанием делает последнее словом. Носитель языка допускает свое неведение, незнание значения слова, но стремится найти это значение. Значительной разницей в ответах о значении псевдослов указывает на возможность различных подходов к их осмыслению, хотя, вероятно, могут быть установлены некоторые общие пути поиска значений (хотя бы в рамках данной языковой системы для данного типа звуковых комплексов), если только признать, что в индивидуальной памяти отражаются общеструктурные свойства языка. По-видимому, изучение путей, позволяющих реализовать императив поиска значений, может дать материал, свидетельствующий об объективном устройстве словаря (в его части – для слушающего).

Экспериментальные исследования семантики отдельных лексических групп лексики показали, что семантика слова – явление сложное и разностороннее. Для полноты ее представления необходимо комплексное применение нескольких психолингвистических методик, соединение которых может дать полное и объективное отображение реальной семантики слова в его соотношении с действительностью, с другими словами, в его функциях и использовании.

Среди психолингвистических методик изучения значения слов выделяется несколько методик, при использовании которых изучаемые слова включаются в сочетания слов или предложения. Таким образом, прямо устанавливается соотносительность слов с единицами высшего уровня. Другая группа методик оперирует со словами, взятыми вне текста. Но и здесь предполагается способность слов выступать в качестве частей единиц высшего уровня. Определенный интерес представляет третья группа методик, которая построена на использовании сочетаний букв, приближающихся к обычным словам, но лишенных значения в обследуемом языке.

В методическом плане, обсуждая результаты экспериментов, надо отметить, что испытуемые проявляют в работе с изучаемым иностранным языком

определенную сознательность, которую и следует использовать, т.е. нужным образом направлять во взрослой аудитории. Видимо, было бы неверно пускать познавательную деятельность учащихся на самотек, в частности и потому, что она может привести и к нежелательным интерференциям. С другой стороны, целесообразно при обучении языку предусматривать определенную работу по обучению учащихся пониманию непонятных слов, базируясь опять-таки на принципе сознательности обучения.

И. И. Комаристова

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ И ОНИМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Одной из целей нашего исследования является описание прецедентных феноменов и онимов, используемых с 2014 по 2018 гг. включительно в американской художественной литературе, их классификация в соответствии с источником происхождения, а также сравнение результатов анализа с результатами, полученными при исследовании американской художественной литературы с 1987 по 2004 годы.

Поскольку интертекстуальность включает понятие прецедентности и интерпретируется как способ изучения фрагмента культурно-познавательного фонда языкового сообщества и его социокультурного портрета, были исследованы прецедентные феномены в текстах американской художественной литературы двух периодов. Проанализированные тексты принадлежат разным авторам и направлены на широкую читательскую аудиторию, так как только в этом случае представляется возможным получить объективную картину того фонда знаний, который наиболее актуален и востребован американским языковым сообществом.

Нами были исследованы и онимы, которые характеризуются, как и прецедентные феномены, общеизвестностью, но не используются в метафорическом значении.

Они также вызывают исследовательский интерес, так как можно предположить, что, характеризуясь, как и прецедентные феномены, общеизвестностью, они могут при определенных условиях быть использованы не в своем первичном значении, а, как и прецедентные феномены, быть употреблены метафорично и приобретя статус прецедентности, стать составляющими интертекста.

Сопоставительный анализ художественных текстов, являющихся интертекстом, позволил определить, изменилось ли за десять лет ядро интертекста, которое представлено самым многочисленным источником прецедентных феноменов, какие источники прецедентных феноменов являются наиболее приближенными к нему, а какие – наиболее удалены, изменился ли наиболее актуальный и востребованный фонд знаний.

Ядро американского интертекста до сих пор составляют прецедентные феномены из области искусства, в частности массовой культуры. Его пери-